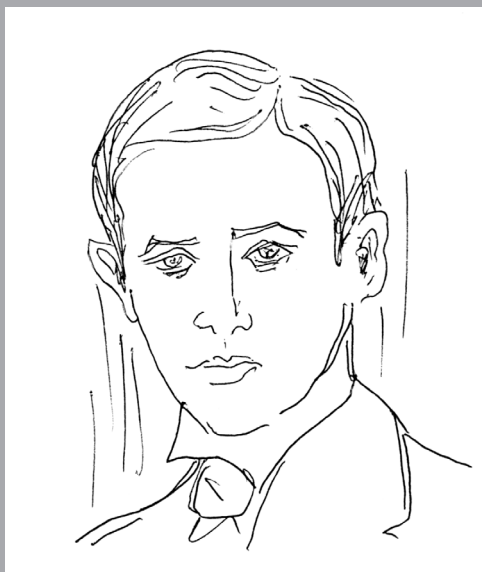

ПОЭЗИЯ

*Шаехзаде
Бабир
1895–1919*

179

Скрипка

Подруга стройная, с шеей лебединой,
ты чувства нежные пленишь волшебною игрой.
Мелодий чудных ты родник неистощимый,
и звуков ты – казый¹, язык гармонии небесной.
И трелью соловья разлейся, свистом, щебетаньем,
и томным лепетом иль ропотом коварным.
Я – в голосе твоём и трепетном, и звучном.
Какой таинственный и дивный он!
То пламенем небесным лёд сердца обжигает,
то, плача и смеясь, болящий дух терзает.
Кто, чутких струн касаясь, сеет звуки?
И радостью взволнован он иль ропщет полон муки?
Посланница небес – пленительная пери²?
Иль демон зла – лукавый соблазнитель джинн³?
Души моей царица! Мне радостно и больно
и ласково с тобой.
Мне без тебя весь мир – пустой, холодный рой.

1915

¹ Казый – властелин.

² Пери – фея.

³ Джинн – злой дух.

Счастье

Синее небо – моя корона, пёстрая земля –
 мой трон.
 Белое солнце – бахет¹ мой; я –
 хан свободный.
 Звёзды и луна – сердечные друзья;
 жаворонок, соловей – птицы певчие мои.
 Выйду в поле: цветы и травы
 меня встречают волной поклонов.
 Бабочки – цветы души моей и крылья,
 стайкой лёгкой вокруг роятся.
 Утренний зефир струится,
 ласково ребёнком тебя целует.
 На гору взойду... Ах! Взлететь бы!
 Небосклон обнять бескрайний!
 Как безумен я... в горячем исступлении...
 Свободен, счастлив безгранично!

1916

Душа моя

Душа моя! Только небу поклоняться, лишь красотою
 возгораться перестала ты зачем?
 Ты в венке, из стихов сплетённом, с мольбою к Музе
 обращённой перестала быть зачем?
 Как голубь, больше не воркуешь ты в гнезде
 из солнечных лучей
 и дифирамбы не поёшь в стихах из сладостных
 созвучий.
 Как ангел, на крылах лазурных не летаешь, источая
 благоуханье рая, стихи лучистые, лучистую любовь.
 Родимая!.. Покинув небо,
 на землю ты сошла зачем?
 Мир красоты оставив, во тьму страданий
 погрузилась и тело обрела зачем?
 Мечтала и на земле несчастной быть свободной?
 И красотою восхищать, любить и быть любимой?
 Страдалица моя! Разрушь темницы стены,
 в родное небо возвратись.
 Пусть только тень твоя, от розовой зари алея,
 падёт на землю.

1917

180

¹ Бахет – счастье.

Милосердие

(Подарок моего сердца)

Душа моя от земных страстей свободна.
Милосердия она обитель.
В ней ангел в облике девичьем
беспреданно слёзы льёт.

Не печали слёзы, не сожалений, надежд разбитых –
горький знак.

Милосердия слёзы, сострадания,
любви прощающей поток.
Ангел чистыми слезами мой болящий дух врачует,
лелеет сердце мне, жемчугами укрывает.

Пламень гнева моего милосердием потушен.
Сердце излучает свет.
Страстям земным предел положен.
Гордыня, Алчность, Мечь, Жестокость... – духи зла,
словно устыдившись, руки опустив, стоят.

Рабы страстей! Перед вами я – от гнева отрешённый,
посланник неба, искупитель зла смиренный.

Я выдержу: иди, родной, распни меня,
руби секирой, коли копьём.
Я улыбнусь: жало острое копья
грудь с радостью примет.

Слеза моя, по древку длинному стекая, смывает кровь
и, вспыхнув солнечным лучом, падёт на землю.

Голубым цветком взойдёт, к небу обращённым;
к небу – вознесения души моей чертог желанный.

Камень, брошенный в меня, к тебе хлебом
возвратится.
Пусть он в памяти твоей как милосердия дар
хранится.

Милосердие моё, как море: бездонно, широко,
безгранично.
Бремя зла и яд страстей смывает волнами оно.

1918

бы опыт, если б его удалось реализовать. Перекладывать силлабику в размеры русской поэтической классики? Но у каждого русского стихотворного размера есть своё содержание, которое при обращении к нему проявляет себя независимо от того, кто, когда и о чём пишет. При переводе это содержание станет трансформировать оригинал.

Следующее и очень существенное различие в системах татарского и русского стихосложения касается роли ударения в образовании ритма. Она очень высока в русском *силлабо-тоническом* стихосложении. Ударные слоги в нём организуют стопы ямба, хоря и других размеров. Подвижность русского ударения позволяет ему быть сильным и гибким ритмообразующим фактором.

Но в татарском языке ударение фиксированное, как в языках польском, французском и в виде тенденции – английском. Оно не может, в отличие от русского, столь активно участвовать в образовании ритма. Сказанное является причиной того, что в переводах, о которых идёт речь, нет привычной и желанной ясности в стихотворных размерах.

В переводах часто встречаются повторы отдельных слов и их сочетаний. Это, по обычным представлениям, не красит текст: *слеза, луч, жемчужина, сердце, голубь, море, синий*. Но они – в самих оригиналах. Это слова-символы философского, лирического и других содержаний. К примеру, *луч (нур)* – символ эманации (нисхождения) божественного в природу, в явления, в человека. Поэтому Бабич и стихи, и любовь называет «лучистыми». *Жемчужина* – капля дождя, упавшая в океан и в раковине сохранившая себя. Она в океане, но не растворена в нём. Символ томления личности по единству. Вот почему ангел-хранитель в стихотворении «Милосердие» жемчугами (так неожиданно для нас) украшает сердце героя. Эпитет *синий* нередок в поэзии Бабича. Его первый сборник назывался «Синие песни». Синего цвета фиалка – символ суфиев. Тёмно-синим было и их скромное одеяние из грубой шерсти.

Не без оснований многие полагают, и с ними я согласен, что стихи непереводимы. Поэтому-то они постоянно и по-разному переводятся. И имеют столько же содержаний, сколько раз переводятся и читаются.

